

И. И. Лажечников

**Полное собрание
сочинений**

Том 7

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л16

Л16 **Лажечников И.И.**
Полное собрание сочинений: Том 7 / И. И. Лажечников – М.: Книга по Требо-
ванию, 2026. – 255 с.

ISBN 978-5-518-02815-9

ISBN 978-5-518-02815-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

С М О Т Р Ъ

Касая смѣсь одеждъ и лицъ,
Пламень, перъчѣй, состояній!
Пушкинъ.

Поникъ задумчивой главой.
Пора весны его, съ любовью, тоской
Промчалась передъ нимъ. Красавицъ томны очи,
И пѣсни и пиры, и пламенные ночи,
Все вмѣстѣ ожгло; и сердце понеслось
Далеко....

Онъ-же.

Боже мой! Что за шумъ, что за веселье на дворѣ у кабинетъ-министра и оберъ-егермейстера Волынскаго? Бывало, при блаженной памяти Петрѣ Великомъ не сдѣлали-бы такого вопроса, потому-что веселье не считалось диковинкой. Грозенъ былъ царь только для порока, да и то зло долго не помнилъ. Да при дворѣ и въ народѣ тѣшились безъ оглядки. нынѣ, хотъ мы только и въ четвертомъ днѣ святокъ мѣтѣте 1739 года), нынѣ весь Петербургъ молчитъ тиною келин, гдѣ осужденный на затворничество

читаетъ и молитвы свои шепотомъ. Послѣ того, какъ не спросить, что за разгулье въ одномъ домѣ Волинскаго?

Только-что умолкли языки въ колоколахъ, возвѣстившіе конецъ обѣдни, всѣ богомольцы, по-одиночкѣ, много по-двое, идутъ домой, молча, поникнувъ головою. Разговаривать на улицахъ не смѣютъ: сейчасъ налетитъ подслушникъ, переведетъ бесѣду по-своему, прибавитъ, убавитъ, и, того гляди, собесѣдники отправляются въ полицію, оттуда и подалѣе — соболей ловить или въ школу заплочнаго мастера. Вотъ, сказали мы, идетъ народъ домой изъ церквей, грустный, скучный, какъ съ похоронъ, а въ одномъ углу Петербурга тѣшатся себѣ на распашку и шумятъ до того, что въ ушахъ трещить. Вскипаетъ и переливается пестрая толпа на дворѣ. Какихъ одеждъ и нарѣчій тутъ нѣтъ! Конечно, всѣ народы, обитающіе въ Россіи, прислали сюда по четвѣ своихъ представителей. Чу! да вотъ и бѣлорусецъ усердно надуваетъ волюнку, жидъ смычкомъ разогрѣваетъ цимбалы, казакъ пощипываетъ кобзу; вотъ и пляшутъ, и поютъ, несмотря, что морозъ захватываетъ дыханіе и костенить пальцы. Ужасный медвѣдь, ходя на привязи кругомъ столба и роя снѣгъ отъ досады, ревомъ своимъ вторить музыкантамъ. Настоящій шабашъ сатаны!

Православные, идущіе мимо этой бѣсовской потѣхи, плюньте и перекреститесь! Но мы, грѣшные, войдемъ на дворъ къ Волинскому, продеремся сквозь толпу и узнаемъ въ самомъ домѣ причину такого разгульнаго смѣшенія языковъ.

«Мордвы! чухонцы! татары! камчадалы! и такъ далѣе...» выкликаетъ изъ толпы по четвѣ представителей

народныхъ великій-превеликій, или, лучше сказаť, превысокій кто-то. Этотъ кто-то, котораго за ростъ можно-бы показывать на масляницѣ въ балаганѣ, гаїдукъ его превосходительства. Онъ помѣстился въ сѣняхъ, танцуя невольно подъ щипокъ мороза и частенько надувая себѣ въ пальцы пѣсню проклятїя всѣмъ барскимъ затѣямъ. Голосъ великана подобенъ звуку морской трубы; на зовъ его съ трепетомъ является, по порядку, требуемая чета. Долой съ нея овчинные тулупы, и національность показывается во всей красотѣ своей. Тутъ, неслишкомъ учтиво, оттираетъ онъ сукномъ рукава своего иному, или иной, побѣлѣвшую отъ мороза щеку или носъ, и, отряхнувъ каждого, сдаетъ двумъ скороходамъ. Эти ожидаютъ своихъ жертвъ на первой ступени лѣстницы, приставивъ серебряныя булавы свои къ каменнымъ, узорочнымъ периламъ. Легкіе, какъ Меркурїи, они подхватываютъ чету и съ нею-то мчатся вверхъ по лѣстницѣ, такъ что едва можно успѣть за красивымъ панашемъ, вѣющимъ на ихъ головѣ, и за лоснящимся отливомъ ихъ шелковыхъ чулокъ, то пинками указываютъ дорогу неуклюжимъ воспрїемышамъ своимъ. Говоря о скороходахъ, не могу не вспомнить словъ моей няньки, которая нѣкогда, при разсказѣ о золотой старинѣ, изъяснила сожалѣніе, что мода на бѣгуновъ-людей замѣнилась модою на рысаковъ и иноходцевъ. — «Поллинно, чудо были эти скороходы, — говорила старушка, — не знали одышки, отъ того-де, что легкія у нѣхъ вытравлены были зѣліями. А одежда, одежда, дитятко, вся какъ жаръ горѣла; на головѣ шака, золотомъ шитая, словно съ крыльями; въ рукѣ пѣбная тросточка съ серебрянымъ набалдашникомъ:

махнетъ ею разъ, другой, и версты не бывало!»—Но я съ старушкою заговорился. Возвратимся въ верхнія сѣни Волинскаго. Здѣсь *маршалокъ* ¹⁾ разсматриваетъ чету, какъ близорукой мелкую печать, оправляетъ ее, двумя пальцами легонько снимаетъ съ нея пушокъ, снѣжинку, однимъ словомъ все, что лишнее въ барскихъ палатахъ и, наконецъ, провозглашаетъ ставлениковъ изъ разныхъ народовъ. Дверь настежь, и возгласъ его повторяется въ передней. Боже мой! опять смотрѣ. Да будетъ-ли конецъ? Сейчасъ. Вотъ кастелянъ и кастелянша, оглядѣвъ на-бѣло пару и объяснивъ ей словами и движеніями, что она должна дѣлать, ведетъ ее въ ближнюю комнату. Фаланга слугъ, напудренная, въ ливрейныхъ кафтанахъ, въ шелковыхъ полосатыхъ чулкахъ, въ башмакахъ съ огромными пряжками, даетъ ей мѣсто. И вотъ бѣдная чета, волшебнымъ жезломъ могучей прихоти перенесенная изъ глуши Россіи, отъ боговъ и семейства своего, изъ хаты или юрты, въ Петербургъ, въ кругъ полтораэта паръ, изъ которыхъ нѣтъ одной, совершенно похожей на другую одеждою и едва-ли языкомъ, перенесенная въ новый міръ черезъ разные роды мытарствъ, не зная для чего все это дѣлается, засуечонная, обезумленная, является, наконецъ, въ залѣ вельможи передъ судъ его.

Пара входитъ на лѣстницу, другая пара опускается, и въ этомъ безпрестанномъ приливѣ и отливѣ рѣдкая волна, вставъ упрямо на дыбы, противится на мигъ силѣ вѣтра, ее стремящей; въ этомъ стадѣ, которое гонить бичъ прихоти, рѣдко кто обнаруживаетъ въ себѣ человѣка.

¹⁾ Дворецкій.

Было-бъ чему и нашимъ современникамъ подивиться въ залѣ вельможи! Глубокія скна, наподобіе камеръ-обскуры, обдѣланныя затѣйливыми баральефами разныхъ цвѣтовъ, колонны по стѣнамъ, увитыя виноградными кистями, огромныя печи изъ пестрыхъ изразцовъ, съ китайскою живописью и столбиками, съ вазами, съ фарфоровыми пастушками, похожими на маркизовъ, и маркизами, похожими на пастушковъ, съ китайскими куклами, узорочные выводы штукатуркою на потолокъ и посреди его огромныя стекляныя люстры, въ которыхъ грань разыгрывается необыкновеннымъ блескомъ: на все это и намъ можно-бы полюбоваться. Бѣдные дикари не знаютъ гдѣ стать, что-бы не ступить на собственную фигуру, отражающуюся въ наложенномъ штучномъ полу. Смѣшно видѣть, какъ и наши простодушные предки, входя въ залу вельможи, принимаютъ картины въ золотыхъ рамахъ за иконы и творятъ предъ ними набожно крестныя знаменія.

Посреди залы, въ богатыхъ креслахъ, сидитъ статный мужчина, привлекательной наружности, въ шелковомъ свѣтло-фіолетовомъ кафтанѣ французскаго покроя. Это хозяинъ дома, Артемій Петровичъ Волинскій. Онъ слыветъ при дворѣ и въ народѣ однимъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ. По наружности можно дать ему лѣтъ тридцать съ небольшимъ, хотя онъ гораздо старѣе. Огонь черныхъ глазъ его имѣетъ такую силу, что тотъ, на комъ онъ ихъ останавливаетъ, немно потупляетъ свои. Даже замужнія, бойкія женщины приходятъ отъ нихъ въ смущеніе; пригожимъ ацамъ мамки, отпуская ихъ съ крестнымъ знаменемъ на куртаги, строго наказываютъ беречься, пуще

огня, глаза Волынскаго, отъ котораго, говорятъ онѣ, погибла не одна ихъ сестра.

Изъ-за высокой спинки кресель видна черная, ло-
снящаяся голова, обвитая бѣлоснѣжною чалмою, какъ
будто для того, чтобы придать еще болѣе достоинства
ея рѣдкой чернотѣ. Можно-бы почестъ ее за голову
куклы,—такъ она неподвижна,—если-бы въ фizioноміи
араба не выливалась душа возвышенно-добрая и глаза
не блистали то негодованіемъ, то жалостью при видѣ
страданій или неволи ближняго.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Волынскаго, по пра-
вую его сторону, сидитъ за письменнымъ столомъ че-
ловѣчекъ, котораго всего можно-бы спрятать въ мед-
вѣжью муфту. Лицо его въ кулакъ стянуто, какъ у
старой обезьяны; на немъ видно и лукавство этого
рода животныхъ. Онъ ужимистъ въ своихъ движе-
ніяхъ, уступчивъ или увертливъ въ рѣчахъ; глаза и
уши его всегда на стражѣ. Ни одна исправная гаупт-
вахта не успѣваетъ такъ скоро отдавать честь, какъ
онъ готовъ на всѣ отвѣты. Эта маленькая каракулька,
ученая, мудреная и уродливая, какъ гіероглифъ, се-
кретарь кабинетъ-министра, Зуда. Онъ записываетъ
имена и прозванія лицъ, являющихся на смотръ, за-
мѣчанія, долетающія къ нему съ высоты кресель и
собственныя свои. Чего Волынскій не договариваетъ,
то онъ дополняетъ.

Въ отдаленіи, почти у двери передней, стоитъ мо-
лодой человѣкъ. По одеждѣ онъ не солдатъ, не офи-
церъ, хотя и въ мундирѣ; наружность его, пошлу-
оклейменную съ ногъ до головы штемпелями нѣжа
шаго раба, вы не согласились-бы взять за всѣ бог-
ства міра. Чего въ ней нѣтъ! И глупость, и развратъ

и низость. Одинъ свинцовый носъ, достаточный изъяснитель подвиговъ, совершенныхъ его обладателемъ, и указатель пути, по коему онъ идетъ. Это Ферапонтъ Подачкинъ, вольноотпущенный Волинскаго въ должности пристава. Ему-то поручено было доставить въ Петербургъ изъ Твери сто разноплеменныхъ паръ, собранныхъ тамъ съ разныхъ мѣстъ Россіи, — доставить живьемъ и незапятнанныхъ морозомъ. По какой-же *протекціи* получилъ онъ столь важный *постъ*? Мать его *барская барыня* въ домѣ кабинетъ-министра. Она спала и видѣла, чтобы произвести своего сынка въ офицеры, то есть въ такіе люди, которые могутъ имѣть *своихъ* людей: высшая степень честолюбія подобнаго класса и образованія женщинъ! Волинскій, хотя человекъ умный и благородный, имѣлъ слабость не отказать въ просьбѣ Подачкиной, помня старыя заслуги мужа ея, бывшаго его дядьки: за исправное, честное и усердное исполненіе порученнаго Ферапонту дѣла обѣщанъ ему первый офицерскій чинъ. А тамъ, кто вѣдаетъ, на какую высоту полѣзъ-бы онъ, открывъ себѣ ключемъ 14 класса врата въ капище почестей! Надо замѣтить, что въ тогдашнее время не нуждались въ аттестатѣ на чинъ коллежскаго асессора, — о, охъ! этотъ уже аттестатъ! И вотъ Ферапонтъ, по батюшкѣ Авксентіевичъ, близокъ уже къ своей цѣли. Еще одинъ шагъ, одно барское спасибо — и новое ваше благородіе въ Россіи. Участь его должна рѣшиться на сегодняшнемъ смотру: или дворянское достоинство, или палки на спине. Онъ теперь обыкновенно низко повѣсилъ голову — признакъ, что съ его встревоженъ и онъ ожидаетъ невзгоды за что-либо неудачу или промахъ.

Сравните бѣлое лицо кандидата въ благородія и черное лицо невольника: кажется, они помѣнялись своими назначеніями. Гдѣ-жъ маменька ужаснаго честолюбца?—Видите-ли направо, у дверей буфета, эту пиковую даму, эту мумію, повязанную темно-коричневымъ платочкомъ, въ кофѣ и исподницѣ такого-же цвѣта! Она неподвижна своимъ туловищемъ, вытянутымъ, какъ жердь, хотя голова ея трясется, вѣроятно, отъ употребленія въ давнопрошедшія времена сильного притиранія; морщиноватыя кисти рукъ ея, убѣжавшія на четверть отъ рукавовъ, сложены крестообразно, какъ у покойника; вѣками она безпрестанно хлопаетъ и мигаетъ, и если ихъ останавливаетъ, то для того, чтобы взглянуть на свое созданіе, на свое сокровище, на свою славу. Прошу хорошенько замѣтить: это она, дражайшая родительница драгоцѣннаго дитятки.

Мы сказали уже, что Подачкина (по имени и отчеству Акулина Саввишна) *барская барыня*. Это званіе встарину было весьма важное: въ него избирались, обыкновенно, жены заслуженнаго камердинера, дворецкого, дядьки и тому подобной почетной дворни. Она присутствовала при туалетѣ госпожи своей, завѣдывала ея гардеробомъ, служила ей домашними газетами, нерѣдко докладчицею по тайнымъ дѣламъ мужниной половины, и играла во дворѣ *своемъ* посредническую роль между властителями и слугами. Замѣйте, она *барыня*, не только *барская*!... Придумать это званіе могла лишь феодальная спѣсь нашихъ вельможъ тогдашняго времени. Впослѣдствіи и мелкіе дворяне завели у себя такое должностное лицо. Еще нынѣ въ степной глуши звучитъ иногда имя барско-барыни, но потеряло уже свое сильное значеніе.

Ни одного шута, ни одной дуры и дурочки въ залѣ! Ужь по этому можно судить, что Волинскій, смѣло пренебрегая обычаями своего времени, опередилъ его.

— Какъ думаешь, Зуда? — сказалъ кабинетъ-министръ, обращаясь съ примѣтнымъ удовольствіемъ къ секретарю своему, — славный и смѣшной праздникъ дадимъ мы государынѣ!

— Объ немъ только и говорятъ въ Петербургѣ, — отвѣчалъ секретарь, привставъ немного со стула. — Думаю, что онъ долгое время занимать будетъ стоустую молву и захватить себѣ нѣсколько страницъ въ исторіи.

Кабинетъ-министръ далъ знакъ головою, чтобы секретарь сажился, и продолжалъ, усмѣхаясь:

— Развѣ нашъ г. Тредьяковскій удостоитъ сохранить его въ своихъ виршахъ...

— О которыхъ всѣ столько кричатъ.

— Потому-что ихъ никто не понимаетъ.

— Извѣстно, однако-жъ, что ваше превосходительство съ нѣкотораго времени сдѣлались самыми ревностными поклонниками нашего Феба и очень частенько изволите черпать въ тайникъ его.

— Ты хочешь сказать, съ того времени, какъ милая молдаванская княжна стала учиться русскому языку. Да, бывший надутый школьникъ Тредьяковскій, нынѣ Василій Кирилловичъ, въ глазахъ моихъ великій, неоцѣненный человѣкъ; я осыпалъ-бы его золотомъ: не онъ-ли выучилъ Маріорицу первому слову, которое сказала по-русски?... И если-бы ты зналъ, какое во!... Въ немъ заключается краснорѣчіе всѣхъ твоихъ Лосееновъ и Цицероновъ, вся поэзія избранной брапо Аполлону. Василя Кирилловича за него непре-

мѣнно въ профессоры элоквенціи! Я ему это обѣщаль, и настаю въ своемъ словѣ.

Волинскій говорилъ съ особеннымъ жаромъ; только слова: *молдаванская княжна, Мариорича*, старался онъ произнести такъ тихо, что, казалось ему, слышалъ ихъ только секретарь. Этоть, замѣтивъ, что лицо барской барыни, можетъ быть, поймавшей на лету нѣсколько двусмысленныхъ словъ, подернуло кошачьею радостью, старался обратить разговоръ на другое.

— Слышно, что г. Тредьяковский, — сказалъ онъ, — дѣйствительно собирается описать подробно, въ нѣсколькихъ томахъ, праздникъ, который вамъ поручено устроить.

— Потянемся и мы съ тобою, любезный, къ потомству въ вереницѣ скомороховъ. Завидная слава!... Расхохочутся-же наши внуки, а можетъ быть и пожмутъ плечами, читая въ высокопарномъ слогѣ, что кабинетъ-министръ занимался шутовскимъ праздникомъ съ такимъ-же вниманіемъ и страхомъ, какъ-бы дѣло шло объ устройствѣ государства.

— Развѣ, утѣшая этимъ больную владычицу сѣвера, которая столько жалуется васъ, вы не творите полезнаго...

— Для одного курляндца... Посмотри, онъ еще затѣветъ какія-нибудь торжества, игрища, все подъ видомъ неограниченной преданности къ государынѣ, но для того только, чтобы меня занять и между дѣйствіями сыграть ловче свои шутки....

Барская барыня сдѣлала опять легкую гримасу — сынъ ея вытянулъ шею и силился что-то настигнуть въ словахъ Волинскаго, но, за недостаткомъ да Божьяго, остался при своемъ недоумѣніи, какъ глупъ